

Шэн Синъюань опешил. Он глупо уставился на Хань Жуя, словно тот выдал что-то на марсианском.

— Что ты сказал? — только спустя долгую паузу он сумел вернуть дар речи.

Слова вылетели быстрее, чем Хань Жуй успел подумать, и он тут же об этом пожалел. В панике уставившись на друга, он лишь растерянно замер, не в силах вымолвить больше ни слова.

— Ты спросил, целовался ли я хоть раз? — насел на него Синъюань.

— Ну... это... — Хань Жуй наконец осознал, какую глупость сморозил. Он попытался вырваться и дать драпака.

— А ну стоять! — Синъюань перехватил его одним резким движением и грубо прижал спиной к раковине. — Сбросил бомбу и в кусты? Ты какого хера творишь?! — прорычал он.

— Я... виноват, — Хань Жуй густо покраснел до самых ушей и отвернулся к стене.

Синъюань аж закипел от злости, не зная, то ли врезать ему, то ли рассмеяться.

— Какая муха тебя укусила? О чём ты вообще думаешь целыми днями? Поцелуй ему подавай! Девчонку себе завести решил, что ли?

— Ничего я не решил, — буркнул Хань Жуй.

— Тогда какого черта ты об этом спрашиваешь?

— Да я... просто...

Как признаться, что его до сих пор лихорадило от воспоминания о двух взасос целующихся мужиках?

— Говори!

Хань Жуй упрямо надулся и замолчал.

— Будешь молчать — я сам тебя поцелую, — Синъюань навис над ним, в голосе промелькнули вкрадчивые нотки.

Хань Жуй попытался отклониться назад, изгибаясь всем телом, словно загнанный в угол

зверёк. Синъюань надавил сильнее, окончательно лишая его пространства для маневра. Теперь они стояли вплотную — лицо к лицу, дыша друг другу в губы.

— Ну так что? — прошептал Синъюань.

Хань Жуй лишь упрямо отвернул голову в сторону.

В умывальнике горел тусклый свет. Длинные ресницы Хань Жуя отбрасывали глубокие тени на скулы; от волнения они подрагивали, заставляя сердце Синъюаня биться чаще. Девятнадцать лет — тот самый возраст на стыке юношества и зрелости. В полумраке его лицо казалось дразнящим, полным невинной притягательности.

Да, именно притягательным. Плотно сжатые тонкие губы влажно поблескивали. В этот миг Синъюаню показалось, что на свете нет ничего прекраснее этих губ.

Поддавшись глупому порыву, он неосознанно провел кончиком языка по собственным губам.

Хань Жуй вздрогнул и резко повернул голову назад.

Синъюань похолодел, внезапно осознав, какую глупость совершил.

Какое-то время они просто ошарашенно смотрели друг на друга. А потом Хань Жуй — то ли вздохнув, то ли подражая ему — медленно облизнулся. Этот случайный, полудетский жест высек в душе Синъюаня такую искру, что в глазах полыхнул настоящий пожар. Не в силах больше сдерживать бушующее пламя, он мертвой хваткой вцепился в Хань Жуя и одним рывком затащил его в пустую туалетную кабинку.

— М-м-м... — Хань Жуй прижался спиной к деревянной перегородке, даже не успев сообразить, что происходит, как его губы накрыл яростный, обжигающий поцелуй.

Опыта у Синъюаня было не больше, чем у его визави, но инстинкты и дикое вожделение полностью взяли верх. Невинное соприкосновение губ мгновенно переросло в требовательный, глубокий поцелуй. В этот момент они оба подчинились первобытному голоду. Они целовались исступленно, до боли сталкиваясь зубами, пока Хань Жуй в порыве страсти не прикусил Синъюаню губу.

— Ш-ш-ш... — Синъюань резко отпрянул, шипя от боли, и выругался: — Ты больно кусаешься, придурок!

В глазах Хань Жуя всё ещё полыхало безумное пламя. Тяжело дыша, он привалился к перегородке и вдруг тихо рассмеялся.

— Мелкий паршивец, — беззлобно проворчал Синъюань, слизывая выступившую на губе кровь.

Хань Жуй продолжал улыбаться, не сводя с него глаз. Этот внезапный порыв не просто подарил ему первый в жизни поцелуй — он разом разрешил все сомнения, терзавшие его последние недели.

Всё это глупое раздражение, удушающая ревность и вечное недовольство имели одну простую причину: он любил его. Любил Синъюаня и хотел быть с ним — не просто как лучший друг, а как самый близкий человек.

«Ты что, никогда не видел, как люди любят друг друга?» — снова всплыли в памяти чужие слова.

Он пристально посмотрел на Синъюаня и прямо спросил:

— Зачем ты меня поцеловал?

Синъюань смешался. Как признаться, что он просто потерял голову от одного взгляда на его влажные губы? Каким бы сильным ни был порыв, глупо оправдывать помутнение рассудка тем, что перед тобой облизнулся парень.

Правда была проста и очевидна: он сам давно был равнодушен к Хань Жую.

Но была ли эта зарождающаяся привязанность настоящей любовью? Лицо его посерьёзнело. За свои двадцать два года он никогда не заглядывался на мужчин. В юности его фантазии занимали исключительно девушки, и глупо думать, что один поцелуй мог в одночасье перевернуть его природу.

А что насчет Хань Жую? Он всегда был таким или просто запутался, оказавшись в закрытом армейском коллективе?

Они молча смотрели друг на друга. Видя, как Синъюань всё сильнее хмурится, Хань Жуй начал мрачнеть на глазах.

— Отвали! — зло бросил он.

— Дай мне подумать, — глухо ответил Синъюань.

Если бы дело ограничивалось одним поцелуем, он бы не стал колебаться. Но когда на кону стояло нечто несопоставимо большее, ему требовалось время.

Если Хань Жуй действительно испытывает к нему те же чувства, он готов пройти этот путь, каким бы тернистым тот ни оказался. Но что, если это лишь минутное помешательство? Начать отношения на эмоциях и закончить их катастрофой — этого он допустить не мог. Хань Жуй был его названным братом, тем, кого он поклялся оберегать до конца дней. Любая ошибка могла развести их навсегда, а этого Синьюань не перенёс бы.

Заметив, как помрачнел Синьюань, Хань Жуй решил, что тот уже тысячу раз пожалел о содеянном. Он с силой толкнул его локтем, рванул дверь кабинки и выскочил наружу.

Синьюань остался стоять в темноте, не зная, что делать дальше.

По выражению Лао Нью, главный неразлучный тандем первого отделения дал глубокую трещину.

Да и как иначе? Парни, которых раньше водой не разлить было, теперь демонстративно игнорировали друг друга, проходя мимо с каменными лицами. Разве это не разрыв в чистом виде?

— Слышь, Синьюань, ты же старше, мог бы и уступить! — в один из перерывов между занятиями Лао Нью решил выступить в роли миротворца. — Чего вы с Хань Жуюм как кошка с собакой?

Синьюань бросил взгляд на Хань Жую, который в этот момент о чем-то весело перешучивался с Чжу Юном. В душе шевельнулось сомнение. С той сумасшедшей ночи в туалете прошло уже несколько дней, но они так и не сдвинулись с мертвой точки. Хань Жуй замкнулся в своей обиде и наотрез отказывался идти на контакт, а сам Синьюань до сих пор не разобрался в себе, чтобы сделать первый шаг.

— Полаялись, что ли? — не унимался Лао Нью.

Синьюань молча покачал головой.

— Он тебя чем-то задел?

Снова качок головой. На любые мелочи Синьюань давно бы махнул рукой, но этот вопрос требовал предельной серьезности. Даже если сейчас ему приходилось терпеть, видя, как Хань Жуй натянуто улыбается другим, он должен был выстоять.

— Да в чём дело-то тогда? — Лао Нью вздохнул. — Синьюань, ты же умный парень. Что между вами встало? Ладно сейчас, в мирное время, пообижались и забыли. Но не дай бог война — вы же должны будете спина к спине стоять! Жизнь друг другу доверять!

— Спасибо, брат Нью, я всё понимаю, — негромко ответил Синъюань. — Но мне правда нужно время.

— Ну вас к лешему... — махнул рукой старослужащий и отошел.

Синъюань проводил его взглядом и снова посмотрел на Хань Жуя, чей смех сейчас казался слишком громким и неестественным. На душе сделалось паршиво.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Хань Жуй резко повернул голову. Их глаза встретились. Синъюань попытался слабо улыбнуться, но холодный, колючий прищур друга мигом стёр эту попытку с его лица.

«Всё-таки я сделал ему больно», — с тоской подумал Синъюань.

Он сидел на траве, глядя, как Хань Жуй заливается смехом в чужой компании, и это зрелище отзывалось тупой болью где-то под рёбрами.

Невидимая стена между ними крепла с каждым днём. Мысли Синъюаня напоминали запутанный клубок лески: чем усерднее он пытался его распутать, тем сильнее затягивались узлы.

Хань Жуй вычеркнул его из своей жизни. Теперь на занятиях и в личное время он держался исключительно рядом с командиром отделения Гао Цзяньго или другими ребятами. А вчера Синъюань и вовсе заметил, как тот о чем-то увлеченно беседует со станиной Лянь Чжиге.

Ещё недавно они делили все секреты на двоих, а теперь один поцелуй превратил их в чужаков. Но готов ли он пойти до конца? Готов ли признать, что мужчина может стать его единственным? Синъюань разрывался между сомнениями и глухой, разъедающей ревностью, а атмосфера в первом отделении из-за их молчаливой войны становилась всё более натянутой.

— Эй, боец, под ноги смотри! — окликнул его Лу Ливэнь во время ночного марш-броска. Помощник командира отделения тяжело вздохнул и добавил: — Долго вы еще с Хань Жуем собираетесь в молчанку играть?

— Мы не играем, — буркнул Синъюань.

— Ага, расскажи мне. Вы уже друг друга за версту обходите. Если дальше так пойдет, на том свете только встретитесь, — хмыкнул Лу Ливэнь.

— Товарищ помощник командира отделения, не каркайте, пожалуйста. Тоже мне, вечная разлука.

— Мне-то вообще до лампочки ваши тёрки, но скоро в роте начнется отбор на дивизионные соревнования разведчиков. Если вы не закроете этот вопрос в ближайшее время, то завалите показатели всему отделению.

— Соревнования разведчиков? — переспросил Синъюань.

— Ну да, они ежегодные. Раньше салаг туда даже близко не подпускали, но ваш призыв по физподготовке и тактике не уступает старослужащим. Ротный решил дать вам шанс. Всё честно: кто наберет больше баллов на внутренних тестах, тот и поедет защищать честь роты.

— Вот оно как... — задумчиво протянул Синъюань.

— Это же твой золотой билет! Чего кислый такой? — Лу Ливэнь шутливо пнул его под зад.

— Да ладно вам. Поедете вы с командиром, а мы пока еще зелёные для такого уровня.

— Кончай зубы заговаривать! Хвост трубой и пахать! Гу Фэй из третьего отделения уже ходит гоголем, заявляет, что победа у него в кармане. Если утрешь ему нос, обещаю целый месяц стирать за тебя носки!

— Товарищ помощник командира отделения, вы на прошлой неделе свои мне спихнули, — уныло напомнил Синъюань. — Куда мне соревноваться? Я на стрельбах вам каждый раз сливаю.

— Отставить нытьё! Солдат должен стремиться быть первым. Если уступишь ребятам из третьего отделения, забудь, что я тебя тренировал! — отрезал Лу Ливэнь так, что спорить дальше было бесполезно.

Синъюань лишь обреченно вздохнул. Его снова загнали в угол, не оставив выбора.

Из-за грядущего отбора в Железной третьей роте начался настоящий ад. Тренировки пошли на износ.

Нагрузки и так были запредельными, но когда до солдат довели новый план занятий, Синъюаню захотелось разбежаться и убиться об стену.

В прошлом году Лу Ливэнь взял серебро на армейских соревнованиях по стрельбе, представляя Триста второй полк. Гу Фэй отстал от него всего на два очка и с тех пор грезил реваншем. Теперь этот безумец тренировался сутками напролет, поклявшись вернуть себе первенство.

В такой атмосфере халтурить не получалось ни у кого. К вечеру бойцы первого отделения выматывались так, что падали на койки замертво и засыпали за секунду.

Впрочем, в этом был свой плюс: на глупые мысли просто не оставалось сил.

Но каждую ночь, засыпая и глядя на пустую доску верхнего яруса, Синъюань чувствовал, как в груди разливается тоскливая пустота.

Он так боялся разрушить их дружбу, а в итоге они не разговаривали уже больше двух недель. Человек, ставший ему самым близким, стоял в паре шагов, смеялся с чужаками, а для него оставался недостижимым. Если это не потеря, то что?

Посреди ночи Синъюань проснулся от банального желания сходить в туалет. Стоило ему пошевелиться, как двухъярусная койка тихо скрипнула: Хань Жуй бесшумно спрыгнул со своего верхнего места.

Стояла удушающая жара, поэтому Хань Жуй был в одних трусах. Мелькнувшие перед глазами сильные бедра заставили сердце Синъюаня снова предательски екнуть.

Подождав пару секунд, он бесшумно скользнул следом в коридор. Хань Жуй, уже закончивший свои дела, при виде вошедшего Синъюаня лишь окатил его ледяным взглядом и попытался протиснуться мимо к выходу.

— Стой, — Синъюань железной хваткой перехватил его за запястье.

— Пусти, — Хань Жуй дернул рукой, но вяло, скорее для проформы.

Не выпуская его руки, Синъюань свободной рукой расстегнул белье и принялся за свои дела.

Хань Жуй невольно скользнул взглядом по его хозяйству, густо покраснел и тут же отвернулся к стене.

Синъюаня эта реакция искренне позабавила.

— Что, страшно стало? — усмехнулся он.

— Хера с два! — зло прошипел Хань Жуй. — У меня точно такое же. Чего я там не видел?

— Тогда чего глаза прячешь? — вздохнул Синъюань.

Закончив дела, он застегнулся и снова втащил упирающегося парня в свободную кабинку.

— Нам нужно поговорить. Серьезно.

— Не о чем, — Хань Жуй прислонился спиной к деревянной перегородке и демонстративно уставился в потолок с самым независимым видом.

— Хань Жуй, я хочу спросить прямо: ты действительно хочешь быть со мной? — тихо, но твердо произнес Синъюань.

Тот возмущенно уставился на него, словно говоря: «Ты меня за идиота держишь? Думаешь, я шучу?»

— Пойми, если мы сделаем этот шаг, пути назад уже не будет.

— И почему это? — буркнул Хань Жуй.

— Потому что для меня это не игра. Если я люблю, то на всю жизнь, — Синъюань заглянул ему прямо в глаза. — Раньше ты был мне братом, и это было навсегда. Но если мы станем... любовниками, мосты будут сожжены. Мы никогда не сможем вернуть всё назад.

— Короче, я тебе просто не нужен, так и скажи, — упрямо процедил Хань Жуй.

— Какую же чушь ты несешь! — Синъюань с силой сжал его плечи, слегка встряхивая. — Да я только из-за тебя голову ломаю сутками напролет! Ты думаешь, я по парням всю жизнь сох?

— А я тебя и не заставлял, — огрызнулся Хань Жуй.

— Ах ты...

У Синъюаня кулаки зачесались от желания врезать этому упрямцу. Он тут ночей не спит, переживает за их будущее, а в ответ получает эту детскую обиду!

— Да какого хрена ты вечно всё усложняешь?! — взорвался Хань Жуй.

За эти полмесяца он сам едва с ума не сошел. Каково это — целоваться взахлеб, а на следующий день оказаться выброшенным, будто ничего не было? Для любого мужика это удар по самолюбию, а для него, привыкшего не доверять людям, — настоящая катастрофа.

— Ты думаешь, я бы позволил кому-то другому вот так зажать себя и целовать?! Сидишь тут, философствуешь... Хочешь дожидаться дня, когда один из нас поймает пулю, и только тогда начать жалеть?!

— Не мели чушь! — оборвал его Синъюань.

— Да, я не такой башковитый и правильный, как ты! Но я хотя бы не вру самому себе! Мое сердце сейчас орет, что хочет быть с тобой. И значит, мы должны быть вместе!

— Но что будет потом...

— Да плевать мне на «потом»! Мы военные, сегодня живы, а завтра нас по кускам собирать будут! Даже если ты наиграешься и бросишь меня — пускай. Мне хватит и того, что у нас будет сейчас!

Синъюань онемел. Они молча сверлили друг друга глазами, пока у обоих не заслезились веки.

— Ну и дурак же ты... — выдохнул наконец Синъюань, сдаваясь перед этой обезоруживающей искренностью и слепой верой.

— Сам ты баран! — буркнул Хань Жуй, когда Синъюань сгреб его в охапку и крепко прижал к себе.

Чтобы закрепить победу, он со злостью, но любя, прикусил его за плечо.

<http://bllate.org/book/18240/1765408>